

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

ОЛЬГА РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ

ОБРАЗ С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Памяти Н. В. Резниковой

Издание в восьмидесятые годы ранее неопубликованных автобиографических книг Ремизова «Встречи (Петербургский буерак)», «Учитель музыки» и «Иверень» еще раз и очень наглядно подчеркнуло особую автобиографичность творчества писателя, взаимопроникновение правды и поэзии, быта и фантазии. В таких произведениях как «Взвихренная Русь» или «Мышкина дудочка» Ремизов вводил свой быт непосредственно в текст, а друзей и знакомых — под их действительными именами, что, однако, не исключало и зашифрованности, а также некоторой перетасовки событий и фактов, а также сознательной выдумки. Исследования последних лет перевели изучение автобиографичности Ремизова на новый уровень. В этих работах не только учитываются многочисленные варианты ключевых событий, встреч и впечатлений его жизни, тех «узлов и закрут» памяти, рассказом о которых открывается книга «Подстриженными глазами», автобиография детства и юности писателя, но также поднимается еще один пласт соответствий текста художественных произведений и реальной жизни автора, его литературного окружения и личных обстоятельств.¹

Другая сторона творчества Ремизова, непосредственно связанная с автобиографичностью, которая также привлекает внимание исследователей в последнее время, это ремизовская мифологизация собственной жизни. Это мифотворчество, в котором творческий процесс не ограничивается текстом, но захватывает и жизнь. Основной миф в творчестве Ремизова — это миф о себе самом: о рассказчике и писателе Ремизове. Литературная маска писателя множественна: герою легенды Ремизова о самом себе свойственна многоликость, он меняет обличье, но этот образ, как правило, строится на снижении.² Оставляя в стороне вопрос о соотношении образа рассказчика и автора у Ремизова, следует упомянуть, однако, что истоки этого мифотворчества близки символическому жизнетворчеству.

В этой работе я хочу наметить мифологизацию образа жены писателя, Серафимы Павловны Довгелло, истории жизни которой Ремизов посвятил несколько книг. Мои наблюдения носят предварительный характер, ими эта тема не исчерпывается, тем более что этот образ накладывается на более объемный образ матери, и далее на женский образ вообще, стоящий непосредственно рядом с многообразным воплощением самого автора и требующий детального изучения.

Современники единогласно подчеркивают исключительное значение Серафимы Павловны (далее в тексте «С. П.») в жизни Ремизова. Зинаида Шаховская утверждает: «Если Ремизов кого-то любил, то, конечно, ее. (...) Огорчалась ли она или заболела (...) Ремизов был потерян и убит. В квартире наступала трагическая окаменелость».³ Нина Берберова считала, что С. П. была источником ремизовского мифотворчества: «Мне всегда казалось, что все его выдумки и гримасы идут от нее, что это она навязала ему свои сны и фантазии, синдромы и комплексы, и он принял их, и, питаясь ими, построил на них свои мифы».⁴

Свои книги, выходявшие при жизни С. П., Ремизов неизменно посвящал ей. За границей, восстанавливая коллекцию своих изданий, принадлежавших жене и оставшихся в России, он вновь делал дарственную надпись, часто упоминая обстоятельства времени выхода книги и первого, а иногда и второго посвящения. В повторных посвящениях Ремизов, обращаясь к С. П., многократно повторяет о ее роли и значении в его жизни. Так, говоря о страхе жизни, испытанном в детстве, он заканчивает: «(...) И только теперь могу сказать, что все принял и все приму и мне не страшно, потому что встретил тебя». На экземпляре «Взвихренной Руси» он пишет: «Когда я подумаю, что было бы, если бы я остался один, на меня находит последнее уныние — я вроде 1/2 (половинки) во всем, но одержимый страстью к целому (...) И как я должен быть благодарен тебе, только через тебя — твоим духом — я достигаю какого-то целого (...)»⁵

Ремизовы встретились в ссылке в Вологде, женились в 1903 году; в 1904 родилась их дочь Наташа, которая с равных лет воспитывалась матерью и сестрой С. П. В Петербурге С. П. училась в Археологическом институте, а в Париже в течение многих лет преподавала славянскую палеографию в Школе восточных языков. В 1921 году, когда Ремизовы уезжали из России, их дочь осталась в Киеве. С. П. и Наталья Алексеевна скончались в 1943 году.⁶

При жизни С. П. Ремизов написал книгу о ее детстве «В поле блакитном» (1922), вошедшую в продолжение повествования о ее жизни, книгу «Оля» (1927), в которой рассказ о жизни С. П. был доведен до ссылки. На французском переводе книги «В поле блакитном», вышедшем в 1927 году, Ремизов написал: «Если бы не произошла встреча с тобой, если бы не было мне счастливой доли — этой книги не было бы».⁷ Книга «В розовом блеске» включает разделы о юности («С огненной пастью» и «Голова львова») и

рассказ о последней болезни и смерти С. П. во время немецкой оккупации в Париже («Сквозь огонь скорбей»).

«В поле блакитном», как и название третьей части «Оли», «С огненной пастью», это описание герба семьи С. П. — Задора-Довгелло: «Голова львова, сера, космата, в поле блакитном, с огненной пастью». Эти заглавия не случайны, они символически передают черты характера героини. Книга о детстве — «В поле блакитном» — говорит о невинности и чистоте (голубой цвет в православной русской символике — цвет Богоматери). Третья часть «Оли» — «С огненной пастью» — повествует о курсистке, воспламененной революционной страстью, а «Голова львова» добавляет черты величия, благородства и гордости к духовности и страстности в характере Оли. В отличие от неизменно сниженного образа автора-рассказчика, самого Ремизова, образ С. П. построен на последовательном повышении: она тоже другая, не как все, но она необыкновенная и исключительная с самого начала: на нее обращают внимание, она неизменно привлекает к себе. Основные «узлы» этого образа следующие: обет безбрачия, перемена имени, означающая перемену своего существа и связанные с этим ритуальные «умирания», нарушение обета, и расплата за счастье в браке и материнство разлукой с дочерью.

В рассказе о жизни С. П. до замужества она неизменно появляется под именем Оли. Источник этого имени сама С. П., в детстве мечтавшая о подруге с этим именем: «Есть в именах тайна. Знать имена, значит владеть их силой: на этом основаны заклинания. Именуют человека неспроста, все равно по календарю или по пристрастию: в имени знак его сил и судьба. Произошла перемена: пламенная Серафима в лунную Ольгу. Ольга вышла из мечты Серафимы».⁸ Основное зерно легенды о жизни С. П. — это данный Олей обет не выходить замуж и посвятить себя Богу. Об этом повествуется в рассказе «Черная бабушка», напечатанном отдельно, а затем включенном во все три книги о ее жизни. Обет — это переход в новую жизнь. После данного обета старый человек умирает и рождается новый: «А через год, весной, Оля утонула — едва откачали».⁹ После посвящения Оля живет в магическом круге, «за зеленой оградой» (название одного из разделов книги «В розовом блеске»). Она — сказочная царевна, приближение к которой грозит смертью. В рассказе о ее жизни до замужества несколько случаев самоубийства и сумасшествия. Если в ранних книгах эти эпизоды даны как часть повествования о жизни Оли, в книге «Сквозь огонь скорбей», которую Ремизов называет «комментарием», они — уже часть мифа о жизни С. П. В ней Ремизов раскрывает мифологическое значение этих случаев:

«И все, кто подходил к Оле, обжигались о ее пламя посвященной. И чем ближе подходили, тем раскаленнее становился огонь, и не жгло, а палило. Судьба их была предрешена: смертный приговор. Одни кончали самоубийством, других подстерегал

случай и та же совершалась расправа. (...) На ее пламя влекло и ее пламя было ей оградой: пламенные силы хранили Олю». ¹⁰

В ссылке происходит еще одно ритуальное умирание Оли: она отравилась, через три дня опасность миновала, и она вернулась к жизни под другим именем: «И что удивительно, потом я заговаривал о этой ее ночи, но она ничего не могла вспомнить. Эта ночь прошла для нее, как глубокий сон, что тоже смерть. Оле надо было умереть, чтобы под другим именем начать жизнь — свою страду». ¹¹ Замуж выходит уже не «лунная» Оля, а «пламенная» Серафима.

Следует добавить, что, как и в случае с ремизовским мифом о самом себе, здесь также возможны варианты. Так, с одной стороны, женихи Оли погибают от «пламени посвященной», то есть давшей обет безбрачия, и в то же время в отказе от брака до встречи с героем Оля выполняет роль сказочной царевны, отказывающей женихам и ожидающей своего суженого. ¹² В «Сквозь огонь скорбей» замужество рассматривается как нарушение обета и измена собственной судьбе и предназначению, а последующая разлука с дочерью как расплата за эту измену: «Прямо скажу, не с 3 июня 1940 года, не с бомбардировки Парижа и разгрома нашей квартиры началась катастрофа, а с той минуты, как Оля решила, вопреки существу своему, ею создаваемому и однажды Норной открытому, выйти замуж». ¹³

После смерти С. П. разлука с ней на долгое время становится фактически основной темой Ремизова. Сны и записи Ремизова сороковых годов полны воспоминаниями о смерти С. П. Так в конце 1943 года он записывает: «Образ смертный и больной загораживает образ светлый», затем в марте 1944 года: «Вот в чем дело: нет больше любви такой, чтоб окружала, единственной: потому так и зябко». И еще через несколько месяцев: «Но разве я могу забыть любовь человека, единственную любовь — мой дар, наверное, редчайший на земле. 16 месяцев сегодня» и наконец: «Своим светом она освещала мою жизнь, только в этом свете я рассказывал свое». ¹⁴ В это время Ремизов пишет «Сквозь огонь скорбей», а также редактирует и переписывает дневники С. П. и собственные письма к ней, к которым составляет комментарий. ¹⁵

В пятидесятые годы под маркой издательства «Оплешник» маленькими тиражами выходят тоненькие книжечки, выросшие на основе легенд и древнерусских повестей. Это «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (1950), «Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония» (1951), «Мелюзина. Брунцвик» (1952), «Тристан и Исоolda. Бова Королевич» (1957) и «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне» (1957). «О Петре и Февронии Муромских» (1951) отдельной книгой не вышла, а была напечатана в журнале «Возрождение» в 1955 году. ¹⁶ Кроме легенд о царе Соломоне и повести о Соломонии все повести написаны в конце сороковых — начале пятидесятых годов. ¹⁷

Перед критиками и исследователями в первую очередь встал вопрос о соотношении текстов Ремизова с их источниками, как обычно, указанными самим автором. Глеб Струве назвал их «творческими переделками», в которые «вторгается что-то новое, что-то из яви и современности». ¹⁸ Сам Ремизов писал: «Мелюзина — не „адаптация“ старинного текста, не „пересказ“ (не «реставрация»), а творчество». ¹⁹ Выводы исследователей, изучавших древнерусские источники повестей Ремизова, не противоречат этому утверждению автора. А. М. Грачёва, посвятившая несколько работ этому вопросу, пришла к заключению, что повести Ремизова точнее всего определяют не современные понятия («пересказ», «обработка», «реконструкция»), а применяемое к древнерусским вариантам текста понятие «редакция». ²⁰ В передаче Н. В. Кодрянской сам Ремизов определяет свою работу над повестями как выбор: «Старинная русская повесть для меня не только пересказ, а выражение моих чувств, содержание повести для меня материал». ²¹

Выбор Ремизова и свобода, с которой он воссоздает миф через собственное прочтение, дает возможность говорить не только о сквозной теме любви, которая сильнее разлуки и смерти, проходящей через большую часть повестей, но и рассматривать их как цикл. ²² Ремизов пишет: «Соломонией и Грудцыным открывается моя повесть о любви», а «Тристана и Исольту» называет своей «лебединой песнью», с которой ему «горько расставаться». ²³ Представляется возможным, что многочисленные варианты любви, верной до смерти, любви, которая побеждает смерть, имеют автобиографическую основу. В письме Кодрянским (7 июня 1952) он подчеркивает: «И опять повторяю то, что хотел высказать в Грудцыне мою нестерпимую боль разлуки, об этом и в „Мелюзине“». ²⁴ Хотя Ремизов неоднократно подчеркивал, что ему близка интонация женского голоса, работа над Тристаном, он признается, что ему ближе голос Тристана, Изольда же у него молчит: «Моя Изотта не сказала ни одного слова и в текстах она молчит (...) Как мне трудно говорить за Исольту, я вижу и чувствую Тристана». ²⁵ В повестях, написанных после смерти С. П., когда Ремизов больше не писал ее имя как посвящение на книге, темы любви, побеждающей смерть, и судьбы, которую нельзя изменить, делаются основными, источники переработаны так, что сами тексты повестей Ремизова становятся посвящением С. П., любви и разлуке с ней. Заключительные слова повести о Петре и Февронии можно отнести ко всему циклу: «И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой». ²⁶

Перечисляя, как обычно, источники «Тристана и Исольты», для темы любви, разлуки и смерти Ремизов выделил кельтские легенды, назвав их «душой [своих] домислов» (с. 5). ²⁷

Тема любви и смерти «разыграна» в «Тристане и Исольде» многообразно.²⁸ Этой теме, ее усилению и повторению служит и построение повести. Она состоит из семнадцати коротеньких глав. Первые пять представляют предыстории, в них события жизни Тристана предшествуют его встреча с Изольдой. Заключительная глава является как бы послесловием. Главы «Сын Елиабеллы», «Возвращение», «Тристан и Исольда» и «Самайн» (6, 7, 8 и 9) повествуют о встрече Тристана и Изольды, о двойном «узнавании» друг друга — как врагов, и как предназначенных любить друг друга до смерти, — о возвращении Тристана в Ирландию за Изольдой для короля Марка, и о волшебном напитке, который они выпивают по пути в Корнуолл. Главы «Белтене», «Плавание Тристана и Исольды», «Возвращение» и «Солнечный парус» (13, 14, 15 и 16) — это зеркальное отражение или повторение в обратном порядке событий глав 6, 7, 8 и 9. На это раз Тристан возвращает королю Марку похищенную Изольду, а его плавание с Изольдой происходит во сне. Счастье для них возможно только в волшебном царстве, или в зеркальном отражении этого мира, наяву же, в реальном мире, для них неизбежна разлука. В главе «Солнечный парус», как и в «Сыне Елиабеллы», вернуть к жизни раненого Тристана может только Изольда. Зеркальное построение повести подчеркнуто двумя «Возвращениями» (7 и 15) и двумя главами, озаглавленными названиями кельтских праздников «Самайн» и «Белтене» (9 и 13), обрамляющими центральные главы «Судьба», «Измена» и «Разлука» (10, 11 и 12). События в этих трех, тематически, а также, в этом прочтении, структурно центральных главах — это следствие того, что уже произошло и что непременно приведет к трагической развязке. Приключения и поединки Тристана сокращены до предела и отнесены ко сну. Построение повести подчеркивает значение основной темы.

Тема любви и смерти начинает звучать в повести Ремизова с первых же глав. Повесть открывается разлукой: Елиабелла, родив Тристана, умирает от разлуки с королем, которого уводит на охоте «лесная фея-косоглазка». В тексте повести происходит реализация имени Тристана — это печаль королевы и судьба ее сына. Печаль — это слово-лейтмотив, связанный с Тристаном (с. 44, 47 и др.) Дальнейшие главы, предшествующие встрече Тристана и Изольды, повествуют о трагической любви, которая ведет к убийству или самоубийству.

С темой любви и смерти неразрывно связана тема судьбы. Глава «Судьба», повествующая о свадьбе Изольды с королем Марком, заключается безответным вопросом: «Почему все так, а разве не могло быть иначе? И на почему не было потому что, а не иначе — только так» (с. 47). Как и любовь, измена и разлука — это их неизбежная судьба. Разлука как судьба наиболее полно разработана Ремизовым в «Мелюзине».²⁹ По Ремизову, неутоленное желание феи Мелюзины очеловечиться, стать человеком, то есть переменить свою природу, неисполнимо, поэто-

му ее судьба и ее трагедия — разлука: «Мелюзина ждала человека, дождалась и потеряла, и на ее вечный век ждать ей нечего, разлука» (с. 47). Разлука в случае Мелюзины — это «чистая» судьба, так как она «неземная женщина» — фея и ее судьба за пределами человеческой воли.³⁰

Олицетворение судьбы в «Тристане и Исольде» — это фея Син кельтских легенд, которой отведено значительное место в повести. Она приносит младенца Тристана в дом и с нею появляется тема печали Елиабеллы, сохранный ее рыцарем Говерналем: «Над твоими трудными бровями/ над печальями неутоленных глаз сияет месяц/ В руках поводья нахмуренных звезд,/ Обод солнца — дуга./ И гулкие кони — черные вихри — /алчная ночь! — мчат по серебру дороги» (с. 10). Как предвестие судьбы Тристана из главы о разлуке его родителей, в главе «Самайн» звучит голос Исольды: «Это я вздох/ свист/ буря/ резкий ветер/ зимняя ночь/ крик/ рыданье/ стон/ я твоя любовь, Тристан! всегда и всюду» (с. 40—41). Повторенный еще раз, он переплетается с началом первого рефрена, темой Елиабеллы (первые две строки), который возвращается еще раз в той же главе (с. 41). В «Плавании Тристана и Исольды» фея Син указывает дорогу Тристану, она хозяйка башни, где возлюбленные засыпают волшебным сном. В главе «Разлука», когда Исольду увозят из Корнуолля, снова появляется рефрен «Это я/ вздох», заканчивающийся обращением к отсутствующему Тристану: «Это я, моя любовь, Тристан!» и следующим за ним повтором начала (с. 53). Оба рефрена, за которыми стоит реализация судьбы — фея Син, это голос печали — Тристана («Над твоими трудными бровями») и голос Исольды («Это я/ вздох»), звучат еще раз в главе «Солнечный парус» (с. 71). Фея Син является после смерти Исольды над мертвым Тристаном и произносит заключительные слова: «разлучница смерть заступилась: Тристан и Исольда неразлучны» (с. 71).

Последняя глава «Байле и Айлен» («Повесть о Байле Доброй славы» из «Ирландских саг») — это еще один повтор основной темы — разлуки в жизни и нераздельности в смерти. Для Ремизова включение именно этой легенды особенно значительно: здесь срастаются не деревья, растущие на могилах, а сделанные из них таблички, на которых записаны повести о любви.

В «Тристане и Исольде» прочитываются элементы биографии самого Ремизова. Как слепнувший Ремизов в последние годы жизни, слепой Говерналь, переживший свою королеву и ее сына, «один приходил на могилу — до последних дней. Когда-то Брагиня сажала розу, а он бегал с лейкой за водой, а теперь выполоть траву не видит» (с. 71). В письмах Кюдрянским упоминаются панихиды по С. П., а также поездки на кладбище: «Меня повезут на кладбище: именины С. П. Попробую посадить тот розовый куст, всю зиму берег».³¹ В главе «Встречи» в «Сквозь огонь скорбей» Ремизов пишет об общности понимания и общей памяти с С. П. Заключается это описание общей памяти

в веках в «кельтском контексте» — на океане в Бретани: «Утром мы вышли на каменное поле. Поле залито солнцем и камни бесформенных форм сияли. (...) А в сердце пробудилась одна единая память. И открыв дорогу, повела глубже в века. (...) Как давно мы знали друг друга! Наши глаза, наши руки, наше сердце спаяны».³² Заглавие следующей главы, «День всех святых и всех мертвых», в которой сближены смерть жены и дочери (обе умерли в 1943 году), отсылает ко дню поминовения умерших в западной Церкви — первому ноября. В «Тристане и Исольде» кельтский праздник «Самайн» назван «днем мертвых». Это лейтмотив любви—смерти: «День мертвых, говорит Тристан (...), — поминовение усопших матерей, сестер, отцов и братьев» (с. 40), повторенный Изольдой: «День мертвых, любимых и любивших, моей сестры и моего брата Байле и Айлен» (с. 41). Поднимая чаши с волшебным напитком, оба повторяют «За всех усопших!» (с. 42).

В «Сквозь гонь скорбей» рассказ о конце жизни С. П. — это рассказ о предстоящей неизбежной разлуке неразлучных, вписанный в трудный быт квартиры на улице Буало. Под пером Ремизова жизнь С. П. и их отношения, а в «Тристане и Исольде» ее смерть и разлука с ней, превращаются в легенду.

Примечания

¹ См. статьи: *Данилевский А. А.* «A realioribus ad realia» // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 781, 1987. С. 99—123; Герой А. М. Ремизова и его прототип (I) Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 748, 1987. С. 150—165; Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова «Пруд» // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 822, 1988. С. 139—157; *Топоров В. Н.* О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда. I. Топографическое и автобиографическое. Статья вторая. // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 822, 1988. С. 121—138.

² См.: *Андрей Синявский.* Литературная маска Алексея Ремизова. // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* Ed Greta N. Slobin. UCLA Slavic Studies. Vol. 16. Columbus, Ohio: Slavica, 1986. С. 25—39; *О. Раевская-Хьюз.* Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень». // Там же. С. 41—49; *Н. В. Резникова.* Образ Ремизова, им самим создаваемый. // *Н. В. Резникова.* Огненная память. Modern Russian Literature and Culture. Vol. 4. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. На сложное «я» текстов Ремизова в свое время обратил внимание К. Мочульский. См. его рецензию на «Образ Николая Чудотворца, Московские любимые легенды» и «По карнизам» (Современные записки. 48 (1932). С. 480—481).

³ *Зинаида Шаховская.* Отражения. Paris; YMCA-Press, 1975. С. 18—19. См. например: «В доме у нас беда: захворала С. П. И вот уж неделя в тревогах и заботах. Смутно и больно» и «Ночью стонал кто-то, и мне казалось, что это С. П. И я очень затревожился и все лежал и курил, готовый, если вдруг что, подняться». (Взвиренная Русь, Париж: Таир, 1927. С. 91 и 114, см. также с. 226, 258, 380).

⁴ *Нина Берберова.* Курсив мой. Мюнхен, 1972. С. 307. Мемуаристы, писавшие о Ремизове, неизменно описывали и внешность С. П. В большинстве случаев, эти описания строились на вариантах неизбежного физического контраста между супругами: он маленький, она крупная, он некрасивый и смешной, она видная и важная и т. д. См.: *Андрей Белый.* Между двух революций. М., 1990. С. 64. (Серия литературных мемуаров). Подробно супруги Ремизовы описаны в книге их долголетнего друга и переводчицы Ремизова на французский язык, *Н. В. Резниковой,* «Огненная память».

⁵ *Наталья Кодрянская*. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 182 и 178. Вторые посвящения не датированы.

⁶ Разлука с дочерью стала одним из основных «узлов» в мифологизации жизни С. П. Этой теме посвящено много страниц в книге «В розовом блеске» (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1952), однако она выходит за пределы данной работы. Об отношениях с дочерью см.: *Резникова Н. В.*, глава «Наташа Ремизова». О семье С. П. много ценного сообщают неизвестные записки Бориса Борисовича Бунич-Ремизова, сына Наталии Алексеевны Ремизовой, описавшего обстоятельства жизни семьи по воспоминаниям и со слов родственников С. П. Приношу благодарность Б. Б. Бунич—Ремизову за предоставление мне возможности ознакомиться с его записками.

⁷ *Кодрянская* 1959. С. 179. Повести о детстве и юности С. П. заслуживают отдельного исследования. К. Мочульский в рецензии на книгу «Оля» (Современные записки. 34, 1928. С. 500—501) подчеркивал умение Ремизова в книге о детстве увидеть мир глазами ребенка, а в повести о юности дать лирическую интерпретацию истории революционного движения в России.

⁸ В розовом блеске. С. 281. Серафим — пламенный ангел. Богини-девственницы Диана, как и классическая Артемиды и финикийская Астарта, традиционно олицетворяют луну или ассоциируются с луной. Ср. *В. В. Розанов*, *Люди лунного света*. изд. 2. СПб., 1913. См. также слова Ремизова о своей Соломонии из одноименной повести: «Соломония — природе посвященная — от белого света, а не от красных матерей. Первое прикосновение — взрыв бури — нарушены законы природы (...) змей вошел в Соломонию и началась игра бесов. Не отчитывание бесноватой, а встреча с юрдовыми Прокопием и Иоанном, людьми одной породы с Соломонией, освобождает ее от змея». *Кодрянская*, 1959. С. 114.

⁹ В поле блакитном. Берлин: Огоньки, 1922. С. 99.

¹⁰ В розовом блеске. С. 285—286. См. о книге «Сквозь огонь скорбей» как о комментарии к четырем частям «Оли» в: *Наталья Кодрянская*. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 213. «Интермедия» «Мышкина дудочка» (Париж, 1953) пишется параллельно «сказанию в двух частях» — «Сквозь огонь скорбей», «для передышки» (*Кодрянская* 1977. С. 31).

¹¹ Там же. С. 297.

¹² Это соответствует поведению царевны в волшебной сказке. См.: *В. Я. Пропп*. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986, гл. «Невеста»; *Е. С. Новик*. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

¹³ В розовом блеске. С. 297.

¹⁴ *Кодрянская*, 1959. С. 21, 22, 24, 25.

¹⁵ См.: «На вечерней заре». Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подготовка текста и комментарий Антонеллы д'Амелия. // *Еурога orientalis*, IV (1985). С. 149—190 и VI (1987). С. 237—310.

¹⁶ Возрождение (Париж), 38, 1955. С. 30—43. Об «Оплешнике» см.: *Резникова*. С. 102—103. Далее ссылки на издания повестей в «Оплешнике» даются непосредственно в тексте. В заглавиях и цитатах сохранена орфография Ремизова.

¹⁷ Бесноватые. С. 8. По свидетельству Ремизова об Ихнелате и «Бесноватых» он услышал впервые в ссылке в Усть-Сысольске в устном пересказе. См.: Повесть о двух зверях. С. 60.

¹⁸ *Г. Струве*. Русская литература в изгнании. 2-ое изд. Париж, 1984. С. 261. Ремизов включает характерные анахронизмы, связывающие легенду с настоящим временем. Иногда это всего лишь русские имена, как Аннушка или Жучок; Тристан спасает похищенную Изольду «из рук красных палачей» и мн. др. Отец Изольды по тексту Познанского сборника XVI в. — *Левъвиз*, назван *Левгиз*. (См. «Повесть о Трыщане» в: *Легенда о Тристане и Изольде*. Литературные памятники. М., 1976. Там же в примечаниях о соответствиях славянских переделок имен французским и итальянским. Ремизов пользуется славянскими вариантами выборочно.)

¹⁹ *Кодрянская*, 1977. С. 292.

²⁰ См.: *А. М. Грачева*. Древнерусские повести в пересказах А. М. Ремизова // *Русская литература*. 1988, N 3. С. 110—117 (текст повести «Савва Грудцын»

опубликован там же на С. 118—134). См. также: Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип. // ТОДРЛ, т. 33 (1979). С. 388—400; «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова. // ТОДРЛ, т. 36 (1981). С. 216—222. Ср. также: А. В. Пигин. Повесть А. М. Ремизова «Соломония» и ее древнерусский источник. // Русская литература. 1989. № 2. С. 114—118 (здесь же републикация текста повести с. 119—130) и Я. С. Лурье. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат». // Русская литература. 1966. № 4.

²¹ *Кодрянская*, 1959. С. 113.

²² В этой работе я ограничиваюсь разбором «Тристана и Исольты» и «Мелюзины», хотя варианты «неразлучной и разлученной» любви находим и в других повестях.

²³ *Кодрянская*, 1959. С. 114 и *Кодрянская*, 1977. С. 373.

²⁴ *Кодрянская*, 1977. С. 274.

²⁵ Там же. С. 313. В домашнем театре его детства Ремизов играл женские роли: «Играть женские роли мне было легко, я не насиловал моего голоса и не ломался. И до сих пор при выборе чтения — мне свободнее передать интонацию женской души. (...)» (Подстриженными глазами. Париж, 1951. С. 89). Напомню, что первым напечатанным произведением Ремизова была «Эпиталама. Плач девушки перед замужеством», вышедший под псевдонимом «Николай Молдаванов», который, по словам автора, был принят за псевдоним начинающей писательницы. (См.: Иверень. Редакция, послесловие и комментарии О. Раевской-Хьюз. Berkeley: Berkeley Slavic Specialites, 1986. С. 228.)

²⁶ Возрождение. С. 43. См. также Р. П. Дмитриева. Повесть о Петре и Февронии в пересказе А. М. Ремизова // ТОДРЛ, т. 26, 1971. С. 155—164, там же текст повести. С. 164—176. В статье «Древнерусские повести...» А. М. Грачева указывает на тематические, а также композиционные элементы, общие для повестей, как слова-лейтмотивы, личное «присутствие» автора в тексте, противопоставление реального и чудесного мира, позволяющее рассматривать их как цикл.

²⁷ Ирландские саги. Второе исправленное издание, перевод, предисловие, вступительная статья и комментарии А. А. Смирнова. Л.—М.: Academia, 1933. Читая французскую версию повести, Ремизов пишет: «После древнего текста мне кажется бедно» (*Кодрянская*, 1977. С. 244).

²⁸ Ремизов упоминает, что его выбор материалов и разработка темы близки Вагнеру. *Кодрянская*, 1977. С. 286.

²⁹ Ремизов опускает историю и приключения потомков Мелюзины и берет эпиграфом две строфы (2-ая и 3-ья) стихотворения Фета «Напрасно!», где надежда на встречу — обман, а разлука — реальность. Судьба — одна из центральных тем Ремизова. Так, например, это движущая сила и ответ без объяснения на бесконечные «почему» в книге «Русские женщины» (СПб., 1918), которую открывает глава «Суженая», а заключает «Кукушка», рассказывающая о судьбе и верности после смерти. В книге много вариантов темы любви, которая сильнее смерти («Желанная», «Робкая») и судьбы («Обреченная», «Отчаянная», «Нелюбая»). Одна из частей в книге «Оля» озаглавлена «Доля». В последней главе книги «Иверень», «Судьба без судьбы», предопределение ограничено человеческой волей и выбором.

³⁰ Любовь феи и смертного человека одна из устойчивых тем кельтских легенд. См.: Ирландские саги.

³¹ *Кодрянская*, 1977. С. 72, письмо от 12 августа 1947 г. См. там же с. 40 и 41.

³² В розовом блеске. С. 311.